

The illustration is a watercolor-style drawing of a rural scene. In the upper left, a green triangle contains the text 'КНИГА В ДОРОГУ'. A man in a green sweater and blue jeans stands under a large tree, holding a cigarette. To his right, a wooden fence runs across the background with a clothesline of green clothespins. In the foreground, a large wooden barrel has a tap with a red handle pouring liquid into a white cup. In the bottom left, a black goat with horns is eating grass. The title 'СЕНЬАГА' is written in large, stylized black letters on the right side. At the bottom right, there is a handwritten-style quote in Russian.

КНИГА
В
ДОРОГУ

Тиана Каракада

СЕНЬАГА

Невероятные,
но правдивые
истории
про Сенью

Тиана Каракада́

**Сениада. Невероятные,
но правдивые истории про Сеню**

«Издательские решения»

Каракада́ Т.

Сениада. Невероятные, но правдивые истории про Сеню /
Т. Каракада́ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967869-0

В обыкновенном селе живёт-поживает простой мужик Сеня. Чтобы достичь своего, он находит остроумные решения, и самое незаурядное событие Сеня всегда готов превратить в эксцентричную ситуацию. А ещё наш герой постоянно находится в контрах со своей женой Клавой. То он отправляет её в аптеку купить золота полкило, то Клава находит в машине мужа интимную подробность его измены и устраивает весёленькую жизнь. Выходит ли Сеня сухим из воды? Сохранит ли Клава семейный очаг, или Сеня женится на другой?

ISBN 978-5-44-967869-0

© Каракада́ Т.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Мечь	8
Как Сеня женился	11
Кто кого	14
Необычный улов	17
Один рубль	19
Не буди лихо	21
Шуба	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сениада Невероятные, но правдивые истории про Сеню

Тиана Каракада́

Дизайнер обложки Марина Голюк

© Тиана Каракада́, 2019

© Марина Голюк, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7869-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Предлагаю вам, уважаемый читатель, рассказы моего одноклассника, соучастника детских игр и проказ, а сейчас обыкновенного сельского работяги. Петя Дружный – так его зовут. В очередной мой приезд домой он протянул мне старые тонкие тетрадки и, скрывая своё смущение за грубоватым тоном, сказал: «Ты там, в городе. Может, напечатаешь где...»

Я продиралась сквозь дебри его почерка со множеством зачёркиваний, исправлений и добавлений, и передо мной оживали образы моих односельчан, трогательные и прекрасные. Я читала знакомые мне и всему нашему селу истории, и первоначальная мысль не заморачиваться всем этим отпала сама собой.

Вот его рассказы.

Пролог

Последнее время стало модным печатать в газетах так называемые житейские истории, в которых всякие там дамочки рассказывают о сказочных принцах из их юности и о домашних хамах в их теперешней жизни. Пускай бы только дамочки! Посмотреть, так кто только не испачкал пальцев своих чернилами, не замарал белого листа бумаги! Вот и ваш покорный слуга, можно сказать, на старости лет, не удержался и решил поведать вам несколько историй из жизни моего закадычного друга Сени.

А если кто заподозрит меня в брехне, то позвольте, дорогой мой читатель, с вами не согласиться, так как все эти истории – чистая правда. Бывалый человек знает, что жизнь иной раз удивительнее кино.

Ну, так или иначе, я предлагаю вам несколько забавных невероятных, но правдивых историй про Сеню.

Слушайте! Слушайте!

Мечь

Был Сеня человеком необыкновенным, настоящим самородком, какие, впрочем, и сейчас встречаются в нашем селе. Вся его жизнь – сплошные розыгрыши над уважающими себя людьми. Посмотреть, так с виду Сеня неказист: ни мал, ни велик, нос свисает унылой сливкой, да глаза грустные-прегрустные. К тому времени, о каком рассказ пойдёт, отпустил он усищи. Не сказать, чтобы они Сеню красили, совсем даже наоборот. Были усы длинными, какого-то непонятого серого цвета и очень напоминали шиньон старой девы. Сам он, верно, казался себе бравым козаком и гордо проводил по ним рукой. Уж Клава, жена его, за усы эти мерзкие и ругала, и трепала, и упрашивала сбрить – ни в какую. Я так думаю, что он ей назло их отпустил. А война между ними чуть ли не столетняя была.

Как сейчас помню, случилась эта история в воскресенье. Сеня ко мне зашёл – глаза красные, опух после вчерашнего. Есть ли, говорит, что-нибудь восстанавливающее? Да какое там! Конец августа. Время самое, что ни на есть тяжёлое – вино у всех закончилось.

– У Толика был?

– Был. Нет у него. Бочку помог поднять.

– А у дяди Гори?

Сеня махнул, прикурил трясущимися руками, послал всех подальше и жён их, и пошёл домой.

Дома война с Клавой возобновилась сразу, ещё он только калитку прикрывал. Перед глазами тут же прошла вся их совместная жизнь, и юность, и даже детство, а заодно и родителей вспомнили. В общем, всё как всегда.

И тут Сене стало плохо. За сердце хватается, ртом воздух ловит, опять у него сердечный приступ сделался. Клава тут же про войну забыла, Сеню подхватила, до дивана кое-как дотащила. Лекарство несёт, глядь, а Сеня захрипел так, забился, дышать перестал и вытянулся. Тут с нею самой чуть обморок не случился. Побелела вся, заголосила. Кричит, а подойти боится. Поплакала она ещё немножко, а потом пошла соседей звать.

Ну, тут быстро всё закрутилось. Откуда что взялось. Первым делом стол у изголовья поставили. Хлеб домашний со свечкой, вергута¹, стаканчик и графин с вином – баба Маня принесла (ох уж эти мне старушки – всегда у них почему-то всё есть), тарелочка, в которую тут же кто-то копейки положил. Охая и крестясь, соседки пригубили и пошли с Клавой в летнюю кухню поминки готовить. Кур потрошить.

В это время деды стали заходить. Клава в каса-маре² стаканчик вина наливает, они за Сенину душу выпивают, кряхтят сочувственно и, утирая стариковскую слезу, выходят на улицу.

Всё шло как у людей. Да только Клава вдруг заметила, что вина в графине почти не осталось, а были только дед Василий, дед Серёжа и Толик, местный алкоголик. Маленькая гадючка сомнения встrepенулась, было, в Клавиной душе и опять улеглась.

– Ничего не пойму, – сказала она про себя и принесла ещё один графин. Полный поставила на место прежнего, а людей, которые заходили попрощаться с мужем, угощала с того, полупустого. То и дело она выходила распорядиться на кухню и, когда в очередной раз вернулась, вдруг ясно увидела, что в новом графине вина нет больше половины. Внутри у Клавы всё похолодело.

– Не может быть!

В это время в комнату вошла её сестра Валя:

– Может, Клавочка, может.

Она подошла к покойнику, положила ему на ноги цветы, перекрестилась на икону, потом на самого Семёна.

– Клав, а вы чё ему усы не помыли. Гляди, в винище все.

Тут Клавины сомнения переросли в уверенность. Она коршуном подлетела к покойнику и стала бить его по щекам, трясти за грудки и тянуть за пышные будёновские усы.

По-видимому, маленькая гадючка в душе к тому времени выросла в толстую злую змеищу, которая душила её и не давала ничего сказать. Оттого Клава била мужа молча, больно и от души. Трудность же Сени была в том, что заботливая баба Маня завязала его ноги полотенцем, и не было у него никакой возможности быстро бежать с поля боя. Он как-то неловко отмахивался от жены и зайчиком прыгал, прыгал в сторону двери, а там, кое-как освободившись, с криком: «А-а-а, зараза, больно!» выбежал во двор.

Валя была в шоке. Продолжая стоять столбом у остывающего одра, только и спросила:

– Воскрес, что ли?

Тут и у Клавы голос прорезался.

– Я ему воскресну! Поминки уже готовы! Щас я ему настоящие похороны устрою...

Само собой, соседи по-разному реагировали: кто ругался, кто смеялся. Мужики Сеню изловили, женщины Клаве руки держали. Баба Маня ушла. «Ничего, – говорит, – святого не осталось». Но не пропадать же добру – вон, сколько наготовили – и борщ, и вертуты, и картошечка с петушатинкой прямо из печки, и карасики золотистые. Только хозяин с хозяйкой в разных концах стола сидели.

Но этим дело не закончилось. Рано утром Клава подоила корову, погнала её за калитку, а там уже соседки перемигиваются. Позор! Вернулась Сеню будить, и такая на него злость взяла! За все его проделки, шутки глупые, а тут ещё усы эти противные! Клава, предвкушая сладкую месть, взяла острую бритву и подошла к Сене. Он спал на боку, и она точно знала, что сейчас – хоть стреляй – он ничего не почувствует. Добрая женщина решительно занесла руку с бритвой над головой мужа, секунду помешкала... На шее мужа беззащитно пульсировала артерия... Клава прицелилась и, резко опустив руку, ... соскоблила правый ус! Хотела, было, повернуть мужа и сбрить левый, но тот неожиданно проснулся.

– А? Уже вставать?

Состояние у Сени с утра было вчерашнее, но вот ситуация сложилась другая. Был понедельник. Сеня сунул голову под струю воды, глянул в узкое зеркальце, что стояло за мыльницей, увидел свои опухшие глазки, вздохнул, наскоро вытерся полотенцем, крикнул: «Клав, я пошёл на работу, – и прибавил про себя: – сердится, наверное».

Я как раз выкатил свой старенький МТ, чтобы ехать в бригаду, когда услышал Сенин свист. Почти на ходу он запрыгнул на мотоцикл.

– Трогай!

Мы ехали по селу. Сеня гордо восседал позади и здоровался, раскланивался с односельчанами. Те удивлённо смотрели, некоторые улыбались, а кое-кто крутил пальцем у лба.

– Знают уже – обречённо, но не без гордости пробормотал Сеня.

Мы приехали на стан, когда вся бригада уже собралась. Сеня медленно слез с мотоцикла, степенно подошёл к мужикам. Кто хохотал, кто всхрапывал и хрюкал от смеха, кто притоптывал ногами и показывал на Сеню пальцем.

– Ну, чё ржёте?! Чё ржёте? Живой я.

И тут я на него посмотрел. Сенины глаза смотрели на всех с большим сочувствием, а на красной припухшей роже тоскливо свисал левый ус, с другой стороны нежно белело незагорелое пятно. От этого Сенино печальное лицо казалось ассиметричным и глупым.

Я подвёл дружка к мотоциклу и наклонил его к зеркалу.

– Мать твою... Дальше шёл ядрёнейший мат.

Сеня взял у сторожа бритву, исправил безобразие и, успокоившись, сказал почти с гордостью:

– Клавина работа. Вся в меня. За это и люблю.

И ласково добавил:

– Приеду домой – не знаю, что сделаю. Хотя...

А вы говорите – любовь, романтика... Вот она любовь, от которой не соскучишься.

¹Верту́та – можно сказать, молдавский рулет. Это так вкусно: хрустящее тесто и обжаренная с луком капуста, или домашний творог, или мясо. А ещё наши женщины готовят верту́ты со сладкими яблоками, тыквой, вишнями.

²Каса ма́ре – всегда чистая, нарядно убранная комната для гостей. Здесь у нас отмечают различные праздники, собираются всей семьёй, в ней наряжает невесту её мать.

В каса-маре хранятся ковры, сундуки, всё самое дорогое. В углу, покрытые вышитыми рушниками висят иконы, а на стенах фотографии хозяев и их родных.

Написал я первый рассказ и отнёс его знакомому редактору. Ну, думаю, сейчас он это дело раскритикует и придётся мне идти несолоно хлебавши. Так надо же было редактору, человеку уважаемому, бросить рассеяно: «Да, да, пишите, Петя, пишите», как я тут же ухватился за эту соломинку – не хвалит, но и не ругает! Правда, фраза эта подозрительно напоминала другую: «Пилите, Шура, пилите». Мне бы сразу и задуматься, но в ладонях появился зуд, и старая тетрадь сына под руки попала, и ручка, которая всегда теряется, на столе лежит.

Да-а, честолюбие играет с людьми злую шутку. Читаешь иной раз опус такого вот писака и думаешь: тебе бы делом серьёзным заняться, чем бумагу марать, так нет, туда же, в писатели!

На этот раз расскажу вам историю, как Сеня женился...

Как Сеня женился

Я тогда только из армии пришёл. А был я парнем из себя очень даже видным. Высокий, плечи широкие, рубашечка в обтяжку, воротник «собачьи уши» и брюки клёш. Шевелюра ещё чёрная была. Нос, правда, с горбинкой, но это не мешало мне целоваться. Только одна Галя смеялась надо мной. У тебя, говорит, глаза чёрные и хитрые. Не хитрые – весёлые! Свобода меня пьянила, я не ходил – летал, улыбался, и все девушки были мои.

Семён старше меня, но мы жили по соседству и дружили. Мне с ним было интересно, а ему со мной надёжно. Не всегда он после своих проделок сухим из воды выходил. Другой раз его кулаками защищать приходилось. Ведь и смолоду он был каким-то нелепым серым мышонком. Вроде и одевался модно, и волосы, как у Битлов отпустил, и на гитаре три аккорда брэнчал: «Шизгарэт, о май бэби, шизгарэт». Но ни с одной девушкой серьёзно так и не встретился. Я думаю, это из-за его болотно-зелёных, всегда тоскливых глаз.

В общем, смотрю, отчаиваться стал мой Сеня. Всё, говорит, женитьба не для меня. Если честно, то до сих пор мне было как-то очень глубоко, женится он или нет. А тут заело.

– Нет, Сеня, надо тебе жениться, надо! А как же! Дело, ведь, нехитрое.

Перебрал я быстренько несколько десятков своих подружек, но ни одна не подходила. Они все в своё время Сеню отшили. И тут вспомнил я про Наташку Х. Ну, фамилию называть не стану – она и сейчас ещё в нашей бухгалтерии работает. Девица, конечно, очень перезрела и к тому же толста и грубовата: очки, нос курносый, и щёки свисают. Но этого всего я Сене не говорю, а наоборот, расхваливаю её:

– Замужем не была, работа у неё чистая – не сапу в колхозе тянет. Вот приходишь ты домой, а она в розовом халатике с белыми кружевами обнимает тебя, за стол сажает, гору плачинт перед тобой ставит...

– Ага, – мечтательно чмокает Сеня, у которого и выбора-то никакого, – тут ты приходишь, а Натаха бурлуйчик¹ вина несёт...

За такими разговорами мы к её дому и пришли. Открываем калитку, а там псина здоровенная чёрная бегаёт и на низком таком дыхании: «Хау, хау, хау!»

Пыл наш, конечно, поубавился и скорость тоже. Мы робко, бочком-бочком между домом и псиной направились вглубь двора. И то, что нам издали казалось кадкой, оказалось нашей невестой! Сама она наклонилась над корытом, в котором что-то стирала. А халат у неё грязный, драный, вид неопрятный! Увидев нас, Наталья подняла лицо, вокруг которого паклей свисали немытые волосы. Очки на её носу и щёки задрожали, и она злобно и хрипло нам крикнула: «На хрена прётесь?! Не видите, злая собака! У калитки ждите.»

На какую-то секунду в моей голове всё перемешалось и мне показалось, что Наталья баритоном гавкает, а её собака лает эти слова.

Тут нервы мои сдали, я не выдержал и, оттолкнув Сеню, рванул к калитке. Сене же вся эта картина показалась столь непохожей на придуманную нами идиллию, что он тоже дёрнул со двора, но не так удачно. Злющая собачья морда успела отхватить себе трофей – клочок новых джинсов «Лэвис» со шматком Сениного зада.

Долго я не решался говорить с Сенею на такую теперь волнующую тему, как женитьба. Но вот стал я замечать, что Сеня потихоньку откалывается. И одеколончик у него другой, раньше «Тройным» несло, а сейчас нюхаю – «Шипр»! Но больше всего меня удивили его туфли. Чистые! Вот я за ним и проследил. Смотрю, в темноте идут. Парочка! Ну, Сеню не перепутать – ноги колесом, одной ногой пишет, другой зачёркивает. Походка «собачья радость». А кто это с ним? Я ближе, ближе. Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! Клавка! Ну, точно Клавка!

Вы знаете, я за ними даже не пошёл, а повернул медленно домой и всю дорогу размышлял. Клава не была тогда юной девицей (даже старше меня!), да и не красавица. Но, Боже мой, что это была за женщина! Рыжие густые волосы под гарсон и лукавые зелёно-синие глаза! При такой яркости стройные ножки в короткой юбке. А над ними контур песочных часов. Умереть – не встать. Спрашивается в задачке: почему такая красота ещё не замужем. Могу ответить – я к ней когда-то подкатывался. В тот же вечер и откатился.

«Скучный ты, Петя, – говорит, – как все остальные. Прямой, как бамбук, ветвистый, как дуб. Ни ума, ни фантазии у наших ребят. Ничего необычного придумать не можете». От таких слов у любого мужика интерес падает.

Короче, еле я утра дождался, а уж когда Сеня проснётся, ждать не стал. Смотрю, во сне рожа у него сладкая, а сам он валик дивана обнимает и шепчет: «О-о-о!» Пропал Семён! Стянул я одеяло с Сени, потом Сеню с дивана:

– Ну, чё?

– А ни чё, – говорит, – жениться не буду.

Только через минуту я смог его спросить:

– Ты что, дурак? Ещё недавно на козе готов был жениться...

– Ты пойми, – печально перебивает меня друг, – всё время вижу перед собой – жена в драном халате с патлами, торчащими в виде конского хвоста. Кошмар! А если и Клава дома такая?»

Тут и я пригорюнился. Как их угадаешь! Вот если б неожиданно прийти. Да неудобно. И тут я вспомнил, что это был праздничный день – Пасха!

Тогда ещё Пасху праздновали не так пышно. В церковь мало кто ходил, до обеда и по хозяйству могли покрутиться, а потом уже отдыхали да праздновали. В то время на Пасху соседи выходили на улицу, брали скамеечки, стулья, выносили столик, несли паску², яйца крашенные, вино... Тогда любой кто мимо идёт – подходи, садись... Так мы с Сеней и решили – сегодня и пойдём – причина есть. Побрились, рубашки белые, одеколончик. Сеня даже галстук отцовский завязал. Куртки чёрные дерматиновые одели – помните, такие отрезные по талии с хлястиком сзади. Фраера!

Пока собирались – время уже послеобеденное. К дому подходим – отец её стоит, в палисадник внима-ательно глядит. А там трава одна и больше нет ничего.

– Что, отец, делаешь?

– Да вот. Смотрю, как растёт, – философски отвечает папаша, – а вы Клавины, что ли, дружки? Ну, проходите в дом. Наши ещё отдыхают, наверное.

Мы прошли с ним в каса-маре, сели за праздничный пасхальный стол. Тут потихоньку все домашние к столу потянулись. Мама её пришла, сестрёнка младшая Валька и сама Клава, после сна ещё румяная и мягкая, в розовом, между прочим, халатике с белыми оборочками. Смотрю, Сеня весь так напрягся, аж покраснел, галстук расслабляет. А тут отец её с вопросом:

– А кто же, Клава, жених твой будет?

Клава к нам подошла, взяла из тарелки здоровенную красную квашеную помидору и протянула её Сене.

Сеня замычал и отрицательно замотал головой. Клава наклонилась чуть вперёд, пышной грудью коснулась Сениного плеча и ласково так попросила:

– Возьми, Сеня!

Тот опять молча отказался.

Никто не заметил в Клавиных глазах сверкнувшей молнии.

– Ну!!!

Сеня увидел, как мы с её отцом еле сдерживаем смех, оттолкнул Клавину руку и со злостью прошипел:

– Да не буду, я сказал!

В следующее мгновение Клава левой рукой нежно поддерживала Сенин затылок, а правой с удовольствием круговыми движениями размазывала кислую помидорину по Сениной физиономии.

– Я сказала! – с нажимом произнесла Клава и, высоко вскинув голову, пошла мыть руки.

– Ну что ж, хлопцы, знаю я теперь, кто жених, – сказал Клавин отец и поднял полный стакан водки: – Христос воскрес!

Не вытирая лица, Сеня, как ни в чём не бывало, поднял свой стакан и, вкладывая в слова иной смысл, ответил: «Воистину воскрес!» – и залпом выпил.

Когда мы возвращались домой, Сеня соскрёб за ухом помидорное семечко и решительно сказал:

– Всё, Петя, женюсь! Другой такой не найти.

Вот тогда у них война и началась. Кхм... То есть, я хотел сказать, счастливая семейная жизнь.

¹Бурлу́йчик, бурлу́й – кувшинчик, кувшин чаще всего для домашнего вина.

²Паска – так у нас называют пасхальный кулич.

Так Сеня с Клавой нашли друг друга.

Вот, говорят, чёрт парует. Кой чёрт! Да он отдыхает у себя в пекле, глядя на эту парочку, а встречать между ними – ну не дурак же он! Сами разберутся, кто кого!

Кто кого

В наше время редкая семья обходится без разводов. А уж скандалы – это самое что ни на есть обычное дело. Иной раз диву даёшься, как ссора, словно смерч, возникает на пустом месте, и, глядишь, через минуту уже летят кастрюли, утюги, и всё в направлении мужа. Только фонари потом почему-то светят на женской половине. Вот и у Сени с Клавой скандалы время от времени ураганом бушевали во дворе. И, вырываясь иногда на улицу, неслись, словно тайфун, вовлекая в свой круговорот всех на своём пути.

Славное дело – ссора соседей! Даже самые ленивые мужики и немощные старухи, услышав громкий мат соседа и отчаянный вопль его жены, бросают всё и торопливо идут, переходя на рысь, на столь приятный уху шум разгорающегося скандала. Если ругань к тому времени стихла, все разочарованно возвращаются к своим делам. Но зато какой тихой радостью наполняются сердца, если скандал, подобно костру на ветру, разгорается всё сильнее и жарче. Вот уже слышен треск дверей и звон стекла. И кидаешься в драку, подставляя под удары своё родное плечо и спину, и разнимаешь любящих супругов. А уж как приятно чувствовать себя защитником и миротворцем, как будто сам никогда – ни Боже мой! – в жизни с женой не скандалил и грубого слова не сказал.

Славное дело – ссора соседей!

Люди опытные знают, что от первых перебранок и драк зависит дальнейшая жизнь молодых. Кто кого? Вот в том-то и дело!

Помнится мне, пожили Сеня с Клавой совсем ничего – с год примерно. Любовная страсть поутихла, и настало самое время для выяснения отношений. Они, конечно, и раньше ругались, но так, будто пробовали силы противника. Ну, шарпанёт Клава Сению пару раз, ну накричит Сеня на жену. Ничего серьёзного. Клава всё-таки его побаивалась – мужики, бывает, и побить могут. Я-то нет, у меня воспитание другое, да и Галя до греха не доводила. Сеня же поддерживает меня в этом с того дня, о котором как раз и речь. И, действительно, с тех пор он рукам волю не давал, зато материл жену и по матушке, и батюшке так, что жутко было. А вот как он стал таким культурным – слушайте.

Все у нас знают, какой я рыбак заядлый. Посидеть со спиннингами на Турунчуке – это для меня лучший отдых. А Сеня – рыбоед. Сколько раз я звал его на рыбалку: «Брось ты на фиг своих алкашей. Пойдём на берег, карасиков нащёлкаем. Может, какого коропа¹ зацепим. Пошли!» Но Сеня без пол-литры отдыха у речки не понимает, а я выпивку «на воду» не беру принципиально – много случаев нехороших знаю.

И вот однажды мы-таки с ним собрались на вечерний клёв.

Я погрузил снасти в мотоцикл и подкатил к Сениным воротам. Смотрю, он всё ещё возится: то в касойку² зайдёт – посудой гремит, то в погреб.

– Эй, эй. Вина не брать! – напомнил я, не слезая с мотоцикла.

– Обижает, – не возражает трезвый Сеня, – или ты меня не знаешь! Моё слово – крепень! Я утку ищу. Клава утром попатрала и сварила на ужин. Хочу взять с собой.

Вот это да! Не всякая хозяйка перед работой с уткой будет возиться.

– Влетит тебе за птицу, – предостерёг я, но, конечно, только для виду.

– Так это потом, а сперва мы её съедим.

И вот Сеня с победным криком несёт в миске ах, какую сочную красивую утку! Голые ножки её торчат вверх, и я улавливаю аппетитный запах варёного мяса. Сеня кинул птицу в коляску МТ, сам запрыгнул сзади, и в этот миг мы услышали:

– Ку-уда?!

Я оглянулся и увидел бегущую по дороге Клаву. Она явно разглядела украденную дичь. Её сумка и сетка полетели в разные стороны и Клава, «сбросив балласт», уже мчалась к нам во весь дух, мелькая загорелыми ножками. Рыжие волосы, словно пламя на ветру, относило назад, и казалось, это неслась не женщина, а сущий дьявол.

Дрожащей рукой я включил зажигание, ударил ногой по педали, выжал сцепление и... дал газу!

А Сеня дал маху!

Вместо того чтобы держаться за меня, он дразнил Клаву – корчил ей рожи и крутил дули. Ой, дура-ак!

Сверхчеловеческим усилием Клава прибавила скорость, изловчилась и таки ухватила Сеню за тельник.

Мой стальной конь рывком тронулся с места, сбросил ношу и, газуя, унёсся с места происшествия.

Сеня кубарем покатился по дороге, затих, рожи больше не корчил, дули не показывал.

Клава ужаснулась тому, что натворила, ведь возможностей Сени в гневе она тогда ещё не знала. Охая, любимая жена рванула во двор.

Тем временем Сеня очнулся, сел, выплюнул камешки, потрогал шишак на лбу, нос – вдруг всё вспомнил и вскочил.

– Клавка! Ты где, Клавка?

Та, как все женщины – вот дурёхи, – уже забежала в дом, свою крепость. Сеня с радостным оскалом голодного людоеда аж приостановился:

– А-а-а! Попалась!

И не спеша, предвкушая свою расправу, с нервным смешком «Ах, как я зол, как я зол!» поднялся на крыльцо.

– Клавочка, выходи! – ёрничал муж. – Всё равно тебя найду-у.

Нежная супруга стояла в спальне ни жива, ни мертва и лихорадочно думала, куда бы спрятаться. Однако её габариты не подходили ни к одному предмету. Сеня тем временем напрямёхонько направился в опочивальню.

Он возник на пороге, как возмездие.

Клава задрожала. Сеня медленно приближался, и с каждым шагом у Клавы расширялись глаза. Ей мерещились ножи, пистолеты и тридцать три пирата, а в голове кто-то хрипло и весело пел: «Йо-хо-хо! И бутылка рому!» Вот Сеня подошёл вплотную, вот медленно занёс свой кулак...

Клава молниеносно схватила с тумбочки механический будильник и – тресть! – со всей дури залепила им Сеньке промеж глаз. Будильник вздрогнул и радостно зазвенел. Сеня на секунду призадумался, сказал: «Пора вставать!» – и рухнул на пол. Клава в ужасе бросила будильник, и тот долго оглушительно трезвонил на Сенькиной груди.

Клава выбежала из комнаты и остановилась на крыльце. Справедливо рассудив, что муженьку надо дать остыть, решила спрятаться в самом конце огорода. Залегла там в глуждах³ и просидела до темноты. Издалека ей было видно, как Сеня поначалу искал её, то поднимался на горище, то спускался в погреб. Потом стал кормить кроликов. По всему было видно, что муж успокоился, но смущали Клаву большие солнечные очки, которые почему-то нацепил Сеня. Причём тут очки, когда сумерки на дворе? Клава приподнималась над глужданами, Клава вытягивала шею, Клава напрягала зрение, но ничего понять не могла; очки настораживали, поэтому она боялась идти домой. Что бы она там высидела – неизвестно, но Сеня крикнул в огород:

– Клава, хватит в жмурки играть. Выходи! Я всё прощу! Есть охота!

– Утку ешь!
Так они и помирились.

А очки Сеня не надевал. У него под глазами от такого удачного удара расплылись замечательные синяки, нос припух, а на лбу выросла шишка.

– Это я на грабли наступил, – правдиво брехал Сеня даже тем, кто его не спрашивал.

И вот с тех пор Семён Клаву ни-ни – пальцем не трогал и говорил, что руки распускать – последнее дело.

Я же в тот вечер вернулся с хорошим уловом – клюнули два коропа на семь и восемь килограммов. Одного отдал Клаве за утку, которую съел, не удержался. А внутри её знаете что было?!... Шкалик «Пшеничной»!

Больше я Сеню на рыбалку не звал.

¹Кóроп – карп.

²Касóйка – стоящая рядом с домом второстепенная постройка, обычно состоящая из кухни и комнаты.

³Глуждáне – стебли кукурузы. Зимой их очень любят есть коровы, поэтому после сбора початков глуждане рубят на корню, складывают на огороде, а потом заносят в сарай.

Больше я Сеню на рыбалку не звал. Но однажды он сам заявился ко мне и стал рассказывать про удивительные места на Дунайчике. Я клюнул, тем более что сам собирался порыбачить.

Разве я мог представить, какой у нас будет необычный улов.

Необычный улов

Побросали снасти в машину – ладно, поехали.

Я рад был, что Сеня серьёзно занялся рыбалкой и под дымок сигареты стал сказывать рыбацкие байки: как с Клыком сома зацепили, и этот талан катал нашу резинку по яме туда-сюда, а мы сидели в ней, как дурачки – и взять не можем, и бросить жалко. Как с Зямой охотились на хитрую метровую щуку, и она нас надурила. Как на Рўсалке, прямо на пляже, Васька Кот (это фамилия) поймал жирную селёдку, как я, Хорь и Цома устроили «сухую уху» – мировой деликатес, кто знает.

– Ничего, – кивает Сеня, не отрываясь от дороги, – мы сегодня такую заму сварим – пальчики оближешь. Или я не Сеня.

За разговорами приехали, наконец. Огляделись – на вид ничего особенного, мелкий рукав реки, лес вокруг, но рыбаков пристроилось немало, еле место нашли.

Разложились, закинули удочки, ждём.

Час ждём.

Два ждём. Солнышко над горизонтом поднялось.

Ещё ждём.

Спину стало припекать. Ни поклёвки, река, как вымерла. Крючки то и дело проверяем – и вся рыбалка. Эх, лучше б я на Марфа-утю пошёл, как собирался.

Посидели мы до обеда – так ничего не поймали.

Делать нечего – собираемся домой. Я байки не рассказываю. Молчим, а что тут скажешь: поели, называется, ухи, облизали пальчики, вернее, три пальчика.

Проехали Троицкое, Граденицы, подъезжаем к Днестровску. Смотрю, Сеня сворачивает куда-то в сторону, по каким-то подозрительным рытвинам, ухабам.

– Ничего, – кивает он, не отрываясь от дороги, – мы сегодня такую заму сварим – пальчики оближешь. Или я не Сеня. – И тормознул в посадке. Чуть дальше, на открытом месте, старый забор – и всё.

– Жди, – говорит, – меня, и я вернусь.

А сам хватает спиннинг, насаживает на крючок червя и направляется к этому забору. Заглядывает за угол и что-то там высматривает. Затем, размахнувшись, закидывает снасть на ту сторону и замирает в кустиках.

Я сижу в машине и ничего не понимаю. Со стороны всё это кажется странным. Ну, дела-а. Загадка: «Ни пьян мужик, ни дурак мужик, в поле сидит, за забор глядит, рыбку удит». Кто это?

– Это Сеня-дурачок ловит нас на червячок, – крикнул я из машины, – кончай идиотничать! Ты меня на такой дешёвый трюк не поймаешь!

– Тс-с-с, – шипит Сеня, не глядя в мою сторону.

– Не такой я идиот, чтоб поверить, что клюёт, – и выхожу из машины, хотя понимаю, что это глупо.

Сеня машет: не шуми! И я замер в стойке.

– Петька, подсаку давай! – кричит Сеня, и я в ответ тоже кричу:

– Не такой уж я дурак, чтоб нести тебе подсак! – но уже бегу к нему с этим самым подсаком.

Сеня резко подсекает, быстро-быстро крутит катушку и вытаскивает... курицу!

– По машинам! – командует он, а я не сразу прихожу в себя и запрыгиваю в машину уже на ходу.

Мы помчались, оставляя за собой хвост глиняной пыли.

– Это старая птицеферма, – поясняет радостный и возбуждённый Сеня, – а в заборе – дырка.

– Как-то того... нехорошо...

– А весь день про щук и сомов нервы мне портить хорошо?! – возмущается Сенька и передразнивает меня: – Мы с Хорём, мы с Котом... А твои кореша курицу на червя ловили? Будешь теперь про меня своим Хорям рассказывать. Сейчас поедем на Турунчук, разведём костёр и сварим заму из курицы. Вот это я понимаю, вот это рыбалка!

Я смеялся, я не возражал – сегодня крыть было нечем – что с него взять: Сеня есть Сеня.

Сеня есть Сеня... Да и какой из Сени рыбак! Ни рыбак, ни плотник, ни плясун, ни охотник. Правильно люди о нём говорят: балабол, баламут, балбес и зыга.

Но лучшего друга у меня за всю жизнь не было. Он всегда приходил на помощь, даже если выходило мне это потом боком.

Помню, попали мы как-то в бедственное положение, и был у нас один рубль на троих.

Один рубль

В те времена Зинка, наша соседка, была возраста «ягодка опять», но замуж так и не вышла по причине невероятной жадности. «Мужа корми, обстирывай, папиросы покупай – это ж какие затраты!» Сколько мы её знали, думала только о себе, а на других ей было наплевать.

Однажды расчётливая Зинка сообразила, что продавать вино – очень прибыльное дело. Повод выпить не то, что находится, – сам ищет мужика. Причины разные: например, вино у людей закончилось, или жена ключи от подвала спрятала, да и мало ли пьяниц на селе, у которых и вина-то никакого сроду не было.

Придумала Зинка вот что: рядом с погребом у неё стояла печка с навесом. Она туда свет провела, поставила пару скамеек и стол, где у неё всегда была неприхотливая закуска. Ясно теперь? Вот и она смекнула, что мужики за столом да за разговорами одним литром не ограничатся (и двумя! и тремя!), и вовремя принесённый прозрачный графин чёрного вина с сиреневой пенкой сделают своё дело. Вот и живая копейка. Кукуруза, пшеничка, масло, какая-нибудь вещь, унесённая пьяницей из дома, – всё прибирали её сухонькие ручки, ничем она не гнушалась. Но тверда Зинка была в одном – плати вперёд. Формулу вывела железную, как в той экономике: деньги – вино или товар – вино.

Ей оставалось лишь изображать радушную хозяйку и, чтобы привлечь клиентов, она угощала их своей закуской.

– Закуси-ка, закуси-ка, – быстро-быстро проговаривала Зинка, за что языкатый Сеня припечатал ей кличку «Закусика», а Клава тут же подхватила её. И вот, как это получилось.

Частенько у Зинки засиживались и мы с Сеней. Мне, «вольному казаку», байдуже, а у Сени начались проблемы. Представьте: приходит он домой часа в три ночи свинья свиньёй, в стельку, а там Клава, молодая жена. Не трудно угадать вопрос: «Ты где, зюзя, шлялся?» Вслушайтесь в ответ: «У Зинки», – мычит зюзя. «Ах, у Зинки... Щас тебе будет Зинка!»

Никакие доводы Клаву не умиряли, и пьяный Сеня бывал бит не раз.

Как-то, отбив летевшую в него солонку и поймав горячий казанок, будучи злым на Зинку, что не допил (в долг не давала даже соседу), он крикнул:

– Где был, где был! У Закусики пил!

На этот раз сковородка осталась в разведённых Клавиных руках:

– У кого? У Закусики? У Зинки, что ль? – Клава засмеялась. С Зинкой у неё свои были разборки.

Ну, а где смех, там гнева нет.

Так Зину за глаза все стали звать Закусикой. Вот к ней-то Сенька, я да кум Сашка и направились. К Закусике можно было прийти в любое время – были б гроши.

Только на этот раз у нас был один рубль на троих. Правда, Сеня пять минут назад заявил:

– А спорим, что на этот рубль я вас сегодня культурно угощу, и мало не покажется?

– Да ну? – не поверил кум и с удивлённой миной щёлкнул себя по горлу. А я, зная как завести Сеню, стал его подначивать:

– А спорим, что нет.

– На что? – облизнулся Сашка-арбитр, так как знал: двое спорят, а третий в любом случае будет третьим.

Сеня вздохнул всей грудью и протянул руку честного человека.

– На бутылёк Зинкиного вина. Сегодня я угощаю, а завтра вы.

– По рукам. Разбивай!

И мы двинулись к цели.

Сколько дорожке не виться, а конец всё же будет, и вот мы уже стоим у заветного погреба, а Закусика, взяв рубль, с литровым кувшинчиком спускается вниз.

Мужики, конечно, помнят те времена, когда литр вина стоил рубль. Один рубль – один литр. Вот такая простая арифметика. А литр вина на троих – это уже задача. Тем не менее, свой рубль мы заплатили и Закусика, перед тем, как нырнуть в погреб, положила его по своей давней, хорошо нам известной привычке в кружку на полочке над подвалом. В таких старых кружках многие мои односельчане ключи от дома держали.

Так вот, Сеня этот рублик из кружки вынул, сложил вдвое и в карман положил, а сам палец – к губам – молчите.

Ну, сели мы, выпили эту литру. Сеня, развалившись на стуле, Закусику подзывает, достаёт двумя пальцами из нагрудного кармана тот же рубль и даёт хозяйке:

– Повторить!

Закусика, не чувствуя подвоха, кладёт и этот рубль в кружку и вновь спускается за вином, а Сеня тем временем мурлыча: «Эх, яблочко, куда ты котиссь-ся» и, отбивая кривыми непослушными ногами «чечётку», подходит к заветной кружечке, вынимает всё тот же рубль, комкает его и прячет.

Ничего не подозревая, Закусика ставит перед нами второй литр. Под наши ухмылки и шуточки дело пошло веселее.

Сеня снова зовёт хозяйку и вынимает из кармана брюк всё тот же, но уже мятый рубль! «Этот» рубль-оборванец вовсе не был похож на «тот», первый приличный рубль.

– Ещё!

Третий литр был весёлым! Мы подмигивали, подразнивали, подшучивали и прыскали со смеху, пока Сашка не шепнул:

– Хорош борзеть.

– Да, пора и честь знать, – поддержал я.

Поблагодарив Закусику, мы скоренько-скоренько, гуськом-гуськом вышли за ворота, в общем, сбежали.

Всю дорогу мы вспоминали Сенькину проделку и ржали пьяным смехом. Прощаясь, Сеня напомнил:

– Ну что, сынки, проиграли? Завтра выкатываете бутылёк Зинкиного вина! Всем пока! Спасибо за внимание.

И кто он после этого?!

Попадались ли вам люди, которых и проучить не грех? Но ругнётся наш брат, махнёт рукой, да и плюнет. Ничего не поделаешь, зацепить такого – себе дороже.

Но с Сеней такой номер не пройдёт. Как говорится, не буди лихо!

Не буди лихо

И надо же было бригадиру серьёзно заболеть во время уборки, в самую горячую для нас, трактористов, пору. Пока Василий Степаныч лечился и отдыхал от больницы в санатории, на его место назначили не кого-нибудь, а Лёньку.

Мало того, что этот плюгавенький мужичонка болтался где-то в хвосте по показателям, что выступал, когда его не просили, угодничал перед начальством, так ещё водились за ним подлые делишки: подставит человека, а сам в кусты. Но, что поделаешь, такие личности всегда нужны руководству.

Принял этот герой командование и тут же созвал бригаду. На собрание! Долго воду в ступе толоч, говорил пустое, а в конце потребовал, чтобы отныне мы называли его не лишь бы как, а по имени-отчеству – Леонидом Гавриловичем! Сеня чуть со скамейки не упал и, пряча насмешку, как-то уж очень вежливо, по-школьному, спросил:

– А можно, просто по отчеству?

– Можно, – расслабленный свалившимся на него счастьем, зря разрешил Лёнька.

И Сеня тут же навсегда припечатал ему – Горилыч!

Это было попадание в десятку! Смуглый как цыган, с узким лбом, широкими бровями и чёрненькими глазками, Лёнька и впрямь напоминал обезьяну. Горилыч и есть.

Власть здорово портит человека! Получит вот такое недоразумение малюсенькую должность и возомнит себя великим руководителем: к людям с презрением, товарищей гнобит, выживает, потому что таким выскочкам не нужны друзья. Бей своих, чтобы чужие боялись! И те, кто слаб, начинают уже перед ним заискивать, лизать ему... нет, не руку.

А вот настоящего человека власть не меняет. Тому пример наш Василий Степанович. Когда его бригадиром назначили, он быстро навёл порядок. Дисциплина, бережное отношение к технике, соревнование за лучшие показатели... Да, требует! Но не обижает, даёт заработать. За это и уважаем. Из отстающих – в передовики, премии получаем, путёвки бесплатные, а в конце года зерно. Так и поросят можно дома держать, и птицу. Кстати, Василий Степанович и на стане хозяйство развёл. Построили мы по его проекту свинарник, где каждый год подрывают заборчик весёлые хрюкающие поросята. Огород небольшой развели, а около стана выделил нам Степаныч землю под бахчу. Когда дыни, арбузы созревают, мы урожаи снимаем и поровну делим, домой детишкам везём, вот радости-то! И покупать не надо. Наш Василий Степанович от коллектива не отбивается: и строит с нами, и сажает, и сапой в свободную минутку на бахче бурьян рубит, и при дележе не выпячивается, на равных своё получает. Привыкли мы к такой демократии, как будто, так и надо. Но, видимо, не зря судьба нам этого и. о. Лёньку назначила, что б, значит, не забывались, ценили хорошего человека, своего Василия Степановича.

Не успел Горилыч к должности приступить, как начал крысятничать.

Заехал как-то Сеня на стан, форсунка в его тракторе забилась. Сторож дед Василь отсыпался после ночи, только волкодавы его во дворе лежали, лениво мух отгоняли. Сенька снял форсунку, начал прочищать, как вдруг краем глаза увидел, что по бахче кто-то ходит. Присмотрелся, а это Горилыч между арбузами петляет, наклоняется чего-то, а зачем, издалека не понять.

Ладно, дождался Сеня, когда Горилыч уедет, и пошёл полюбопытничать, что там такое на бахче. Смотрит, а самые лучшие арбузы накрыты большими лопухами. Ясно-понятно! Это для того, смекнул Сенька, чтобы ночью легко их было найти, эти арбузы. Ну, Горилыч, ну, воруга! Сеня подавил в себе желание догнать и накостылять ему. Нет, подумал он, с началь-

ством нужно тоньше, деликатнее. Он переложил лопухи на самые невзрачные арбузы, а те, лучшие, отобранные бригадиром, погрузил в мой МТ. Ну да, в мой. Что ж с Сени взять?! Но мы мужикам честно всё рассказали, и они не возразили против такого расклада.

Сеня правильно всё сделал, на второй день помеченных арбузов на бахче не было, только привядшие лопухи валялись. «Ну, ты молоток, Сенька, так Горилычу и надо!» – смеялись в бригаде и ждали скандала, но Горилыч и вида не подал, и шум в бригаде утих.

А и.о. продолжал наслаждаться своей должностью. Особенно ему нравилось речи толкать, о политике рассуждать, политинформации проводить. С умным видом комментирует, а сам дурак дураком.

Есть же люди, их послушать, вроде и правильно говорят, но всё как-то не так, всё мимо. Вот и Горилыч, суслик его загрызи, суетится, бульки пускает, приказывает, а ничего толком не скажет, и без него все знают, что делать. Только воздух сотрясает, да раздражает своей глупостью.

Однажды во время обеда, когда под навесом собралась почти вся бригада, у Горилыча снова случилось словесное недержание. Мы с Сеней предусмотрительно заняли места в конце стола, подальше от этого оратора и сосредоточили всё внимание на борще. Вдруг в далёком потоке слов Горилыча мы чётко услышали фразу:

– А тебя, Сенька, я лишил премии. Да-да-да, за оскорбление начальства! – Он имел в виду себя дорогого. И уж, чтобы никто не сомневался, выкрикнул: – За изобретение глупых кличек! И ещё кое за что... ты, Сенька, знаешь.

После секундной тишины мужики протестующее загалдели. Только Семён молчал, он смотрел и смотрел исподлобья на бригадира, словно запоминая его. Несчастный уже и рад был отменить своё слово, даже залепетал что-то, но все поняли, что Горилыч обречён.

Шли дни, закончилась уборочная, но Сенька не торопился, свинью подкладывать не спешил. Он растил эту свинью, холил и выжидал. Видимо, в его планы не входило просто выставить врага на посмешище, Сенька жаждал крови, он хотел испортить Горилычу жизнь.

И момент настал.

Собрался как-то на рыбалку кум Сашка. Рано-рано утром пришёл он к Закусике червей накопать в низине, где ничего, кроме червей не росло. Тут надо пояснить, что Зинка Закусика и кум Сашка состояли в каком-то – десятая вода на киселе – родстве. И так как никого из родни у них не осталось, Сашка, несмотря на жадный, неуживчивый характер Зинки, поддерживал родственные отношения, заходил к Закусике, проводывал. Там заборчик подправит, там дерево спилит, бочки поднимет из подвала, назад опустит... Эээ, сколько работы для мужских-то рук. За это обещала Зинка на Сашку дом переписать. Да не торопилась, всё выгадывала что-то. Лучше б не обещала ничего, кум по доброте душевной и так помогал бы, силушки у него, как у быка, да и жалко ему было Зинку эту. Но и обещанный дом с участком в тридцать соток не помешает, у кума ребяташек пятеро, пригодится когда-нибудь.

Ну, так вот, когда кум тем утром по двору шёл, бросился ему в глаза белый листочек бумажки, приклеенный к дверям касойки. «Что за хреня, – подумал кум и прочитал корявое: «Сашка не захади Ато угариш У меня печька дымит»

«Вот дурында старая, – посмеялся над глупостью своей тётки кум, – а сама, значит, не угорит?» И вдруг как обухом по голове: а ведь Зинка там не одна! Иначе, с чего?!...

И решил проследить. Какая уж тут рыбалка! Тут охота!

Только спрятался, скрипнула дверь, из касойки, воровски озираясь, вышел... ну, да... Горилыч! В новой белой бейсболке! Конспиратор. Сашка чуть с дерева не свалился. А после рыбалки зашёл к нам и рассказал это весёлое приключение. Потом мы от Клавы узнали, что

Зинка была давней любовью Горилыча, они даже встречались, и всё шло к свадьбе, но Зинка обнаружила в кармане жениха губную помаду. Уж как она там оказалась, история умалчивает, только Зинка махом обрубил все концы, и парус Лёньки задрейфовал по морю жизни, так и не пристав ни к какому берегу.

У Сени аж глаза сверкнули. И я понял, чему быть, тому не миновать.

Не мудрствуя лукаво, Сенька подложил в карман Горилыча Клавкину помаду. Не прошло и дня, как, верная своей подлой привычке шарить по карманам Закусика обнаружила улику измены. Как мы узнали? Да у Горилыча под глазом всё было бордово-синим расписано!

И тут Сенька сделал контрольный выстрел. Незаметно сломал он своему недругу вилку в велосипеде и сам напросился заварить её. Выждав, когда Зинки не было дома, а улица была пуста, Сенька разбил ей все окна, сел на стоящий тут же отремонтированный велосипед, и поехал прямо к Горилычу, закатил велосипед ему во двор и смылся. Он правильно рассчитал, что, во-первых, Закусика, как миленькая, придёт именно к нему, Сене. Потому что он, Сенька, – известный на селе стекольщик. А во-вторых...

Накануне прошёл дождик и прибил дорожную пыль, вот разъярённая Зинка по чёткому следу велосипедных шин и пришла прямёхонько к своему полуболювнику.

И разразилась гроза! Давно у нас на магале не было такого скандала! Закусика припомнила Лёньке всё, начиная чуть ли ни с детских лет. Время от времени, услышав на свой счёт очередной эпитет, она набрасывалась как пантера, и била, и царапала нашего бедного и.о., справедливо считая, что ему всё ещё мало. Собравшиеся соседи стояли кружком, переговаривались:

- Хоррроший удар!
- Слабо Зинка бьёт, слабо...
- Нет, нет, смотри, лопатой-то хорошо получилось...
- Чуть точнее бы...
- Ага, и ниже.
- По...
- Взрослые люди!
- Ой, а они даже похожи.
- Бог парует.

Тут и Клава подошла:

- Совет да любовь!

В этот момент Закусика и Горилыч плюнули друг в друга.

- Попали!..

Сенька прищурил один глаз:

– Дурак я. Надо было оставить всё, как есть. Лучше было бы. Не догадался, – впервые услышали мы критику Сени на свой счёт.

– А нет, не лучше! – исправился он, когда Закусика пришла к нему с просьбой застеклить окна, и на радостях заломил ей цену по полной.

– Учитесь, сынки! – подмигнул он мне и куму Сашке, имея ввиду вовсе не ремесло стекольщика, а умение выйти сухим из своей затеи, да ещё и навариться на этом.

Через день Горилыча за драку с бригадирства сняли. И как вы думаете, кого назначили?! Меня!

А я и не возражал.

В нашем селе шутников много. Иные так словами и сыпят, только уши подставляй. И разыгрывать у нас тоже умеют. Да только кто этих комиков помнит? А спросите про Сеню, так сразу же и услышите... Много чего услышите. Ведь, то, что он вытворяет, уже ни в какие рамки не лезет. Ну, да бог с ним!

Расскажу я вам про седьмой километр. На этот раз яблоком раздора была шуба.

Шуба

– Не-ет, Сения, я жене шубу куплю. – В очередной раз выговорил Жека и даже пристукнул кулаком по столу.

– Ну и дурак. Ты же «Жигуль» хотел!

– На машину я ещё заработаю.

– Купи жене куфайку¹ и валенки, – советовал Сения, совсем не считаясь с тем, что Жекина молодая жена и Клавина сестра Валя сидела тут же за столом, молча переводила карие, цвета крепкого чая, глаза с мужа на Сению, и безропотно ждала – быть или не быть шубе.

В отличие от старшей сестры, – не приведи господи стать у той на пути, – спокойная Валька по пустякам нервы зря не тратила и предоставляла жизни идти своим чередом, куда бы та не завела её.

– А какую шубу? – держит сторону сестры Клава. – Бобрин? Неужели каракулеву? Сколько же она стоит?!

– Каракулеву... – кривит губы Жека – Норковую!

– Норковую!? – выдохнула Клава. – Да мы такую даже в глаза не видели.

– Дак вы много чего не видели...

Нет, всё-таки этот Жека, мотаясь по северам, здорово изменился. И дело даже не в чёрной кудлатой бороде его, которой он зарос. Что-то в нём появилось не наше, другое, а что, – не пойму. Уверенный такой стал, нахальный. До свадьбы всё Вальке в глаза заглядывал – что, и как? А сейчас, гляди-ка, приехал и сразу:

– Валентина, поедешь со мной!

Потом только объяснил, что назначили его начальником участка, а вахтовый посёлок, где он работает, ещё немного, и городом станет, и уже сейчас требуются поварихи, медики, и даже учителя.

– Квартиру получим! А пока проживём в семейном бараке.

– И будешь ты, Валюха, по бараку в норке щеголять, – обрадовано усмехнулся Сения.

– И будет! У нас морозы знаешь, какие?! Как придавит минус пятьдесят, а то и выше!

В смысле, ниже. До шестидесяти доходит. Что же, моя жена – учительница! – в школу в фуфайке будет ходить?! Машина подождёт. Я сюда приехал и уехал. Зачем она мне здесь? А на севере и подавно, там меня на работу и домой персональный транспорт возит. У нас без шубы и натуральных кожаных сапог нельзя... Так что, завтра ты Валюху везёшь на толчок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.